

Appendix (in Russian)

Гайд интервью

Здравствуй, спасибо, что согласился/ась поучаствовать в моем исследовании. Оно посвящено восприятию новейшей истории России. В ходе интервью было бы интересно узнать о твоих представлениях о 90-х годах. Интервью анонимное, а все данные я буду использовать в общем виде. Я бы хотела записывать наше интервью на диктофон, могут ли я получить твое согласие на это? Спасибо!

В этом интервью я буду в основном спрашивать про твои мнение, отношение, ассоциации, немного про воспоминания, хорошо? Мне интересно отношение и восприятие, а не знания по истории ☺

Начнем?

Для начала, расскажи, пожалуйста, немного о себе. Чем ты занимаешься? Как давно ты живешь в Москве/Казани/Новосибирске? Какого ты года рождения? (*от этого сделать переход к 90м через, например «то есть 90-х ты почти не застал/а», или «то есть, например, на момент ПУТЧа тебе было 5 лет»*) Понятно, спасибо.

Если я сейчас тебе просто скажу «90-ые в России»- какие у тебя ассоциации? А как ты думаешь, откуда эти ассоциации? Образы?

Про семью:

- Рассказывали ли тебе твои родные что-то 90-х годах?
- Можешь вспомнить эти истории и рассказать?
- Были ли истории, которые они рассказывали чаще других? Какие?
- Как тебе кажется, какое у твоих родных отношение к этому периоду истории?

• А как ты относишься к 90м годам? Каким тебе кажется этот период истории?

• Как ты думаешь, «90-ые» - это собственно какой период времени? Интуитивно, как тебе кажется, где начало «90х» и где завершение этого периода? Почему ты так считаешь?

Про школу

- Теперь я хотела бы узнать, изучали ли вы в школе этот исторический период: 90ые годы, конец 20 века? А на каких предметах? (*уточнить: история, обществознание, литература, другие*)

- Если да, то как проходили уроки?
- Если нет, то почему, как считаешь?

- А как тебе кажется, твои учителя в школе, как они относились к этому периоду истории? Почему? Согласен(а) ли ты с ними?

- Можешь ли ты вспомнить обсуждение истории в целом с другими учителями или работниками школы? Если да, то какие это были обсуждения? А обсуждали ли вы отдельно 90ые годы в России?

- И последний вопрос в этом блоке, скажи, изучал (или интересовался) ли ты историей после окончания школы? (университет, собственный интерес)

Про культуру и медиа

Спасибо большое, что делишься этими воспоминаниями, теперь я бы хотела обсудить образ 90х в культуре и обществе.

- Как ты думаешь, каково общественное мнение о 90ых годах? Что заставляет тебя так думать? Согласен(а) ли ты с этим мнением?

- Как тебе кажется, история 90-х годов, это часто обсуждаемая тема?

- Если да, то где ты что-то видел/слышал(а) в последний раз? Как считаешь, правильно ли это привлекать внимание к этому периоду истории? Говорить/писать о нем?

- Если нет, как думаешь, это плохо или хорошо, что этот период истории не обсуждается часто?

- Встречаются ли в твоей новостной ленте новости об истории в целом? А о истории 90х годов?

- Знаешь ли ты какие-нибудь фильмы, сериалы, книги о 90х годах? Смотрел(а) или читал(а) ли ты их?

- Теперь будет необычный вопрос-задание. Пожалуйста, выбери из представленных карточек те, которые больше всего ассоциируются у тебя с 90-ыми годами? Попрошу тебя выбрать **хотя бы три из них, но можно и больше.**

Карточки со словами:

СВОБОДА СЛОВА	БАНДИТИЗМ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ	ГОЛОД
БИЗНЕС	ОТКРЫТЫЕ ГРАНИЦЫ
НОВАЯ ЖУРНАЛИСТИКА	НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ БУДУЩЕГО	ПОТЕРЯ РЕСПУБЛИК
СЛАБОСТЬ	БОГАТСТВО
СВОБОДА	ОГРАБЛЕНИЕ НАРОДА
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	ЕЛЬЦИН
ОЛИГАРХИ	ЗАПАДНЫЕ ГРАНТЫ
ГАЙДАР	ПРИВАТИЗАЦИЯ
	ГОРБАЧЕВ
ФИНАНСОВЫЕ ПИРАМИДЫ	РАССТРЕЛ БЕЛОГО ДОМА
ЧЕЧНЯ	СОТРУДНИЧЕСТВО С ЗАПАДНЫМИ СТРАНАМИ

Расскажи почему ты выбрал именно эту карточку (о каждой)? А почему? Какие ассоциации она вызывает? (Побудить рассуждать о каждой из вытянутых карточек, произносить вслух, чтобы для диктофона и записи были понятно, о чем речь)

Спасибо большое.

И еще пара вопросов об ассоциациях.

- Знакома ли тебе формулировка «*лихие 90-ые*»? Как ты думаешь, почему их так называют?

Про распад СССР

Теперь я предлагаю перейти к завершающему блоку вопросов. Я бы хотела обсудить с тобой такое заметное событие 90-х годов, как распад Советского Союза.

- Для начала, скажи, что ты думаешь о самом Советском Союзе?
 - Как думаешь, что в СССР было хорошо, успешно?
 - А как думаешь, что было неправильно или неуспешно?
- Теперь снова будет небольшое интерактивное задание с карточками. Пожалуйста, выбери из представленных карточек те, которые больше всего ассоциируются у тебя с СССР?

ДРУЖБА НАРОДОВ	ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС
УСПЕШНАЯ ЭКОНОМИКА	БЛАТ
РЕПРЕССИИ	ВЕЛИКАЯ КУЛЬТУРА
ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА	БЕДНОСТЬ
НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ	СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗАПАДУ	ПЛАНОВАЯ ЭКОНОМИКА
СИЛЬНАЯ СТРАНА	ЦЕНзуРА
ТАЛОНЫ НА ЕДУ	ОБЪЕДИНЕНИЕ ЛЮДЕЙ

Расскажи почему ты выбрал/а именно эту карточку (о каждой)? А почему? Какие ассоциации она вызывает? Порассуждай, пожалуйста, о каждой из вытянутых карточек. Спасибо!

- Теперь хочу спросить о том, что у тебя ассоциируется со словосочетанием «Распад Советского Союза»?
- Представь, что тебе нужно рассказать другому человеку, о том, как происходил распад СССР. Как бы ты стал/а рассказывать?
- Как ты считаешь, плохо или хорошо то, что Советский Союз распался? Почему?
- Рассказывали ли тебе когда-нибудь твои родители о том, как проходил распад СССР? Какие у них воспоминания?
- Как ты думаешь, как они относятся к распаду СССР? Почему?
- А учителя в школе или в университете рассказывали об этом событии? Может, чем они занимались в это время, как переживали этот период? Как они к нему относились? Почему? Согласен ли ты с ними?
- *Вопрос для рожденных до 1991:* Ты был/а очень маленьким/ой, когда происходил распад Советского Союза. Но возможно у тебя есть какие-то воспоминания об этом периоде? Может, непосредственно о периоде с августа по декабрь 1991? Или воспоминания более позднего времени, тех самых 90-х, которые мы уже обсуждали?

Вопрос для преподавателей: Ты сам/а когда-нибудь обсуждал 90ые или распад СССР со своими учениками? Что им было интересно? Что ты рассказывал?

Большое спасибо за уделенное мне и моему исследованию время! Если тебе интересно узнать результаты исследования, я с радостью ими поделюсь.

Пример интервью. Транскрипт № 30

Интервьюер: Здравствуйте, спасибо, что согласились поучаствовать в моем исследовании. Оно посвящено восприятию новейшей истории России. В ходе интервью мне было бы интересно узнать о ваших представлениях о 90-х годах. Интервью анонимное, а все данные я буду использовать в общем виде. В этом интервью я буду в основном спрашивать про мнение, отношение, ассоциации, немного про воспоминания, хорошо? Мне интересно отношение и восприятие, а не знания по истории. И еще я бы хотела записывать наше интервью на диктофон, могу ли я получить ваше согласие на это?

Респондент: Да, конечно.

Интервьюер: Спасибо! Для начала, расскажите, пожалуйста, немного о себе. Чем вы занимаетесь? Как давно живете в Новосибирске? Какого вы года рождения?

Какого ты года рождения?

Респондент: Мне 33 года будет в апреле. По диплому я филолог, филологическое обеспечение СМИ. Так заумно звучит моя специальность. Сначала я работала в газете, затем на новосибирском городском сайте NGS, а затем работала в Новосибирском государственном университете в пресс-службе. Сейчас нахожусь в декрете. В Новосибирске я с самого начала. И главная ассоциация у меня с 1990-ми – это дефицит. Мой отчим работал на мясокомбинате. Потом он стал дальнобойщиком, а тогда был просто водителем. И тогда ему выдавали оплату колбасой, причем не просто колбасой, а всякой разнообразной деликатесной. Такой разнообразной недорогой колбасы у нас до сих пор, наверное, нет дома, как была в те времена. Холодильник был забит всяческими рульками с черносливом и всеми прочими. Всё это богатство мы ходили по соседям, которые получали заработную плату – кто-то получал, кто-то не получал, – меняли на хлеб, какие-то другие продукты. Вели натуральное хозяйство.

И помню сумасшедшие нули в ценниках, когда мама хотела себе купить сапоги, и говорила, что они стоят миллион рублей. В детстве не понимала многого, но если мама говорила, что миллион рублей, еще с таким придыханием, казалось, что это как минимум сапоги от Dolce&Gabbana.

Интервьюер: Вы тогда знали про Dolce&Gabbana?

Респондент: Нет, по нынешним меркам, переводя в современную систему ценностей. Нет, тогда никто ничего этого не знал даже в помине. Это чуть позже, скажем, в нулевые.

Мама моя работала врачом, денег ей особо не платили. Как-то на Новый год она решила принести нам мандарины. Кто-то ее, видимо, угостил. Она сложила мандарины в коробку из-под лекарств. Я хорошо помню запах этих мандаринов, которые я чистила, ела с младшей сестрой. Я 1987 года рождения. В 1990 году мне было три года. Это как раз самое зарождение человеческой памяти. Никто со мной не обсуждал, какое было время, плохое или хорошее.

Интервьюер: Понятно. Обсуждали ли вы 90-ые и распад СССР с семьей после, с коллегами, друзьями?

Респондент: С семьей, наверное, не обсуждала этого вопрос, чтобы прямо сесть и обсуждать, как плохо или хорошо мы тогда жили. А бабушка с дедушкой говорили всегда только одно: «Лишь бы войны не было».

Что касается других людей, которые периодически говорят, что «Вот, в советские времена было лучше, а в 1990-х...». Мне не нравится, что идет спекуляция на эту тему. В оправдание всего, что происходит сейчас в стране, нам любят припоминать 1990-е годы: «А вы что, хотите как в 1990-е?». У нас в сознании, по моим ощущениям, они как-то мифологизировались. Всё плохое, что в сознании народа есть, оно почему-то сплелось с 1990-ми годами. И сейчас даже самое простое

сказать: «Почему у нас тротуары в таком плохом состоянии в городе?». Вы, наверное, заметили. «Но это же еще ничего. Вот в 1990-е-то было! У-у-у!».

(00:05:19)

На самом деле, если покопаться в конструктивных воспоминаниях, то было же и хорошее, и плохое. Детство – это всё равно хорошее время, беззаботное, для меня лично. Но никто же не акцентировал внимания, что мы живем плохо. То есть никто из моих родственников никогда не сидел и не плакался: «Ой, как плохо мы живем». Смотрел по сторонам, ты ходил в куртке какого-нибудь двоюродного, троюродного, пятиродного брата. И все так ходили. Никому не приходило в голову, что можно покупать одежду каждый сезон. Эта смена формации произошла. А мне кажется, что Советский Союз неплохо подготовил к кризисному времени. Особенно люди, которые приехали из деревни, как сделать себе всё, что угодно, имея под рукой картон и палки (выражаясь фигурально)...

Интервьюер: Да, понятно. А есть ли – наверное, в первую очередь в семье – семейный фольклор про 1990-е? Истории, которые циркулировали и циркулируют. Вспоминаются, чаще других?

Респондент: Наверное, нет. Из забавного могу припомнить обмен продуктами. Если это можно расценивать как приметку 1990-х, это расцвет криминала и маргинальных слоев. Это тоже очень важная веха моей биографии, потому что я еще, кроме прочего, из неблагополучного района. И действительно в 1990-е годы у нас не было ни одного трезвого лица на улице. И эта разруха в стране, почему-то началась разруха в головах. Все резко маргинализировались, начали пить. Наркопритоны появились первые. Может быть, они были, но они вылезли из подполья. И проституточные, которые стали появляться периодически в поле нашего зрения.

Не знаю, можно ли считать это фольклором, но когда я подросла, и молодые люди говорили: «Может быть, я тебя провожу», я говорила: «Да, конечно, ты можешь меня проводить, но вообще я из того района, что я сама кого угодно могу куда угодно проводить». То есть такое своеобразное воспитание.

Не знаю, хорошо это или плохо, но увидев то, что на меня с растопыренными руками бежит какой-нибудь алкоголик, я, наверное, не испугаюсь, даже смогу какими-то словами с ним перекинуться, спросить, что случилось, как помочь. Это есть, от этого никуда не деться, потому что детство проходило в такой среде.

Интервьюер: Как вам кажется, 1990-е, где они начинаются, где кончаются?

Респондент: Начинаются вместе с моей сознательной памятью, то есть где-то, когда я была еще совсем-совсем маленькой, условно говоря. С трех лет. А заканчиваются они тем моментом, когда я, наверное, пошла в школу, то есть когда мне было лет 7.

Интервьюер: В каком году пошли в школу?

Респондент: Кажется, 1995-й, да. 1990-е годы – это самое-самое начало: 1992-й, 1993-й. Если спросить у меня: «Что такое 1990-е годы?», я скажу, что это 1992-й, 1993-й. Потом стало полегче.

Интервьюер: И про школу. Изучали ли вы в школе конец XX века, смену политического режима? Что-нибудь такое.

Респондент: Честно говоря, затрудняюсь ответить на этот вопрос, потому что это как со всеми предметами, наверное, происходило. История не стала исключением. Литература мне ближе, поэтому приведу простой пример. Мы Пушкина, Гоголя и прочих заслуженных старичков мысляем очень долго, а потом приходит Осип Мандельштам, и мы говорим: «Был еще Осип Мандельштам», кстати.

«Еще где-то далеко был Шарль Бодлер, но это вам необязательно знать, вас об этом никто в приличном обществе не спросят». Здесь было примерно то же самое.

Я помню про фараона Аменхотепа III, а про современную Россию, хотя у нас были хилые попытки ввести какую-то юридическую грамотность. Но это всё было скорее как саботаж, то есть срыв деятельности под видом ее выполнения. Именно целенаправленного изучения не было. Упоминалось вскользь: «Был Борис Ельцин».

Интервьюер: Это было в ходе уроков?

Респондент: Когда время пришло, уже в более старших классах. Маленьким детям, естественно, никто ничего не объяснял.

Интервьюер: Высказывали свое отношение к 1990-м, периоду?

Респондент: Я такого не помню. Я училась в школе с углубленным изучением французского языка. У нас все были очень тихие женщины. Такого не было. Не обсуждали совершенно точно. Да и сталинистов махровых, политиканов вообще не припомню. У нас были, что называется, с приветом, но просто потому что старые больные женщины.

Интервьюер: После окончания школы история фигурировала в вашей жизни, в университете?

Респондент: У меня было и до сих пор есть некоторое сожаление. Я считаю, что история – наверное, это предмет, в котором неплохо поразбираться. Тот, кто не учит историю, может сделать так, что она повторится. Я скорее думала об истории в контексте, когда начала путешествовать. Об отношении к истории не в нашей стране, а в других государствах. Например, как те же самые немцы обращаются с Аушвицем. Они не пытаются запрячь это в пыльный уголок сознания, а проводят экскурсии на всех языках, какие только можно, включая иврит, говорят, что «Ну, вот. Там, простите, мы были неправы. Но посмотрите, до какой степени мы были неправы, и, пожалуйста, не делайте так».

У нас есть такой момент, что, да, либо какая-то мифологизация, либо просто делать вид, что этого не было. Это уже затрагивая тему ГУЛага. Просто откреститься от этого или сказать, что это придумано, чтобы очернить великого Сталина. Причем победобесие мы будем копать до тех пор, пока это не надоест. А это – нет.

Здесь я тоже могу сказать, что поскольку мой дед ветеран Великой Отечественной войны, но он, строго говоря, был последним из призыва, в 1945 его призвали, и основная его военная стезя пришлась на войну с Японией, а это... 100 словами не рассказать, как там всё происходило.

(00:15:09)

Когда я говорю, что я убежденная пацифистка, заслуга этого моего деда ветерана. И то, что я никогда не буду кричать, что «Мы можем повторить», никогда не буду смотреть эти военные парады, никогда не буду кричать: «Ура, салют, победа!», это заслуга только моего деда, который говорит, что... 100 лет ему здоровья. Ему сейчас 94 года. И он говорит: «Я спать не могу. Я вижу войну. Это моя плата за то, что...». Грубо говоря, это та цена, которую они должны до конца жизни платить за то, что мы сейчас сидим, пьем кофе.

Что вы можете повторить, придурки на кредитных тачках? Возьмите хотя бы лопату и пройдите с ней в обнимку под дождем пару часов. Я вам даже не предлагаю сапоги не по размеру надеть.

Интервьюер: Без носков.

Респондент: С портянками, да. Но я отвлеклась, но это поясняет мой взгляд, что я начала сравнивать, и сравнение было не в лучшую сторону, что касается именно российского подхода к истории.

Интервьюер: То есть у вас это случилось через путешествие?

Респондент: Да, в более сознательном возрасте, когда я в 25 лет первый раз сама поехала, и первое мое путешествие было в Прагу, и встретила с моим другом, который как раз таки историк по образованию. Он предложил мне поехать в Аушвиц, и там меня накрыло очень сильно. Я многое для себя поняла.

Интервьюер: Спасибо, что делитесь такими воспоминаниями. Это очень важно.

Хотела бы спросить вас про образ 1990-х в культуре, медиа. Как вам кажется, общественное мнение о 1990-х какое?

Респондент: Я уже частично говорила, что демонизированное. Этим пугают детей.

Интервьюер: В обществе это часто обсуждаемые, часто поднимаемые темы?

Респондент: Сейчас, наверное, она стала всплывать чаще, как ни странно. Это по моим наблюдениям. Видимо, действительно, нужен какой-то враг. Если врага нет, мы его придумываем. Даже в своей собственной истории.

Интервьюер: Можете попытаться припомнить, что увидели в последний раз, какую-то новость или репортаж, или фильм про 1990-е?

Респондент: Что я видела из 1990-х – поскольку я пользуюсь Instagram, в XXI веке живу, что последнее видела, про то последнее и расскажу, – тренды в одежде. 1990-е именно в сознании модных блогеров – это образец дурновкусия во всём. Типа: «Что это за колхоз, что это за 1990-е?». То есть колхоз – 1990-е. Так соотносится. Какие-то леопардовые колготки, сказали, что это привет из 1990-х, и это явно имело отрицательную коннотацию.

Интервьюер: Спасибо большое. Хотела бы теперь поговорить про новости. Поскольку вы журналист, как вы сами узнаете новости, через какие источники информации?

Респондент: Есть несколько путей получения новостей. Самый первый и самый ценный – это эксклюзивные источники. Когда все знают, что ты, допустим, работаешь журналистом, тебе звонят и говорят: «У меня...»

Интервьюер: Я имела в виду, ваше информационное поле.

Респондент: Откуда я сама получаю? Интернет, конечно же. У меня есть несколько вкладок: региональных, федеральных. Нужно отдать должное, что у меня был период детокса. Когда я очень интенсивно была погружена в информационное поле, мне потом понадобилось время для того, чтобы из него выйти. Поскольку я сама обрабатываю эти новости, я была подписана на несколько пабликов, например, «ВКонтакте»...

Интервьюер: Можете перечислить?

Респондент: Сейчас наши новосибирские. Что у нас читают? NGS, тайга.инфо. Два самых распространенных. Из федеральных читаю Meduza в основном, либо какие-то такие вещи, которые попадают чисто в контекстной рекламе. Но из тех, на кого подписана – да.

Что касается пабликов, это местные наши типа «Типичный Новосибирск», «Новосибирск.Инфо», «АСТ-54», «Происшествия». В каждом городе, мне кажется, номер только на конце меняется: «Типичный Красноярск», «Типичный Новосибирск», «Типичный Урюпинск».

Интервьюер: А знаете ли какие-то фильмы, сериалы, книги про 1990-е?

Респондент: Первое, что приходит – это «Бандитский Петербург» (это же классика), «Бригада».

Интервьюер: А если из документальных фильмов?

Респондент: Наверное, напрямую это не входило в сферу моих интересов, поэтому ничего не могу сказать.

Интервьюер: Теперь у меня будет немножко интерактивное задание. Я перед вами сейчас разложу много карточек, которые к могут описывать или не описывать 1990-е годы. И попрошу вас выбрать те, которые откликаются более всего. Прошу выбрать хотя бы три, но можно больше, если есть отклик.

Респондент: Бандитизм, неопределенность, Ельцин, Горбачев (сладкая парочка), приватизация, расстрел Белого дома, исчезновение накоплений. Тут можно было, на самом деле, еще добавить «МММ», малиновые пиджаки. Финансовые пирамиды М-«МММ», международный мошенник Мавроди.

Интервьюер: Теперь про бандитизм. Проясните, пожалуйста.

Респондент: Он был ближе всего ко мне.

Произошла же резкая криминализация населения. Возможно, это было связано с тем, что люди подумали, что теперь всё можно и ничего за это не будет. И раз страны теперь нет, то можно... Приходит ощущение вседозволенности. Эти новые русские. Бандитом стало вдруг модно быть. Хотя я видела этот контингент своими глазами. В нем нет ничего симпатичного. Может, где-то воспетые в народном фольклоре бандиты, у них всё было хорошо, но у бандитов с нашего двора всё было как-то не очень. Они все сейчас сидят или уже там умерли. След их теряется в задворках истории.

Интервьюер: Второе – неопределенность.

Респондент: Да. Ничего толком не обсуждалось. Я сейчас зацепила этот пласт сознания. Всё было понятно, что ничего непонятно. Было понятно, что тот происходит, что взрослые немножко переживают, но из-за чего они переживают, толком непонятно, потому что они ничего напрямую не говорят. Но видно, что уровень жизни поменялся. Например, бабушка была инженером башенного крана – человек, который управляет башенным краном на стройке. Но она была вынуждена пойти мыть подъезды, потому что нужны были какие-то живые деньги, и это был единственный способ их достать.

(00:24:59)

Когда в один прекрасный день бабушка говорит: «Всё, я иду мыть подъезды», дедушка говорит: «Всё, я сижу с детьми». Были приняты какие-то конструктивные решения, которые, безусловно, влияли на нашу жизнь. Но поскольку я была маленькой и многое недоговаривалось, то вот неопределенность.

Горбачёв и Ельцин, скорее всего, были, сладкая парочка. Это персонажи народного фольклора лично у меня в сознании, потому что я помню эти истории.

Кстати, байки, они не семейные, но они пересказывались друг другу: «А вы слышали, что Ельцин где-то пьяный на ложках играл?», «А вы слышали, что Горбачев со своей Раисой Максимовной?..». То есть я не отдавала себе отчет, что это политики, а отдавал себе отчет, что это какие-то, ну, условно говоря, Иванушка дурачок и Баба Яга, про которых рассказывают анекдоты. В 3-4 года что с соображала? То есть не говорили, что это наши великие вожди, которые двигают нашу страну. Рассказывалось такое в духе: «А чего, за кого голосовать будем? За Зюганова? Наверное, нет, за Ельцина пойдем проголосуем», или, там, за кого-то. «Что там, мол, за этого клоуна голосовать?».

Интервьюер: Приватизация.

Респондент: Это было новое интересное слово, которое очень часто повторялось отовсюду, вместе с такими прекрасными и не менее прекрасными словами как «ваучер», «доллары», «валюта». Это больше про 2000-е, но у нас была прекрасная история по поводу того, как бабушка на половину своей пенсии купила евро. Она принесла, говорит: «Какие красивые! Как фантики нарядные». Сложила эти евро. И когда мы вышли замуж, я вышла замуж, моя сестра вышла замуж, мама поделила эти евро, и, на минуточку, там было по тысячке. Эти евро пролежали с того момента, как они появились в Евросоюзе. Бабушка оказалась очень...

Интервьюер: Ох, бабушка молодец.

Респондент: Я помню, как она ходила: «О, такие нарядные, как фантики. Большие такие».

С ваучерами было то же самое. Приватизация – это что? Все побежали и я побежал. Все приватизируют, и я приватизирую. Мне кажется, осознанности в это процессе было минимум. Но поскольку мы имеем дело с наследием Советского Союза, когда сказали: «Надо приватизировать» – ну, приватизируем.

Мне кажется, в определенный момент – по крайней мере у меня сложилось такое впечатление – люди так много потеряли, что еще одно... Мы же можем проиграть, но мы же можем и выиграть. То есть это уже как-то так всё рассматривалось. И да, это был абсолютно неосознанный процесс, это было очень красивое интересное Слово.

Интервьюер: Финансовые пирамиды.

Респондент: Финансовые пирамиды, международный мошенник Мавроди, Леня Голубков – это исключительно телевизор и исключительно первые рекламные ролики, которые я помню, как он там стоит в этих триканых и в этой растянутой маечке, говорит своей супруге, – или кто она ему была, – что «Я вложился в “МММ”». Теперь они, дескать заживут. И, видимо, придут к этому образу преуспевающего нового русского. Исключительно телевизор.

Что касается исчезновения накоплений, это, пожалуй, то, что знали даже мы, потому что были определенные... То есть что мы были людьми среднего класса, а потом в одно прекрасное утро проснулись просто нищими. У нас были миллионы, а стали просто рубли. Это тоже какое-то шоковое состояние взрослых, которое волей-неволей детям передавалось. Но мы тоже ничего толком не понимали.

(00:30:00)

Интервьюер: Расстрел Белого дома.

Респондент: У меня есть чудесная история про слона, когда мы приехали... У нас живут родственники в Смоленске, и мы собрались – я, моя мама и отчим, а мама тогда была беременна. Соответственно, мне было где-то 3 с небольшим года (четырёх еще не было). У нас с сестрой разница в пять лет. Мы приехали в Москву, и я очень хотела увидеть слона. У меня была такая мечта. И я терроризировала родителей, чтобы они показали мне слона.

Мы радостные сходим с поезда, и внезапно... Естественно, тут какие-то странные движения происходят на вокзале, люди бегают. Папа уходит, узнает, возвращается, что-то говорит маме. У мамы совершенно какой-то растерянный, испуганный вид, она совершенно ничего не понимает. Я ною со своим слонем, что «Слона мне покажите». Они говорят: «Нет, никакого слона нет. Революция». То есть я помню вот это слово революция применительно к расстрелу Белого дома. И я, соответственно, выдаю своим детским умом фразу: «А что, слон революции испугался?». То есть какая связь? И мы быстро взяли билеты, каким-то образом удалось, и тут же чуть ли ни на ближайший поезд... То есть мы планировали задержаться в Москве, планировали погулять там какое-то время, возможно, даже переночевать – не знаю таких деталей, – но мы быстро собрались

и поехали дальше к своей родне. Расстрел Белого дома у меня только такие ассоциации вызывает – революция.

Дети вообще заколдованно всё это смотрят. Я расстроилась, я ревела ужасно. Но родители как-то просто очень быстро меня успокоили. И понятно. Ехать смотреть на Красную площадь- это была не лучшая идея в тот день.

Интервьюер: Или на здание парламента.

Респондент: Да.

Интервьюер: Спасибо большое. Еще один вопрос об ассоциациях. Вам наверняка знакома формулировка «лихие 1990-е».

Респондент: Да.

Интервьюер: Как вы думаете, почему их так называют?

Респондент: Почему именно лихие? Потому что в сознании русского человека эта какая-то удаль и какая-то... В хорошем смысле слово «лихой» здесь, наверное...

Наш национальный герой, он же немножко всегда Иванушка-дурачок, и всегда ему все сокровища и все богатства с неба падают. Мы любим, чтобы нам всё сразу, так лихо и здорово. И ты из грязи в князи.

Наверное, лихие 1990-е, потому что очень много людей из простых каких-то работяг стали вдруг малиновыми пиджаками. Как я это понимаю. Вот поэтому.

Интервьюер: Спасибо. Теперь будут вопросы про распад СССР, как составную часть 90-х. Но прежде хотелось спросить про Советский Союз. Если очень обще, как воспринимаетесь его, как относитесь к этому периоду истории?

Респондент: Я могу судить только сейчас со своей колокольни. Я вижу плюсы и вижу минусы. Есть моменты, которые мне нравятся, а есть моменты, которые мне не нравятся. Я за бесплатное образование и бесплатную медицину совершенно точно. Мне в ответ, конечно, могут возразить по поводу качества этой медицины. Но в ответ я могу сказать, что и сейчас в большинстве своем вопросы есть.

(00:35:22)

К тому же, из плюсов, было то, что какая-то общинность была и ощущение безопасности. Я из своих детских воспоминаний знаю, что нам никто никогда не запрещал гулять во дворе столько, сколько ты хочешь. Всегда даже в эти странные 1990-е годы все соседи знали друг друга наперечет, и ни один из новых русских из местных не обижал эту детвору, грубо говоря, не плевал там, где он ест, то есть не обижал детей тети Зины, тети Маши, тети Дуси, которые ему конфеты продавали в свое время. А в 2000-е эта разобщенность стала появляться. И уже сейчас ключи никто под ковриком не оставит.

С другой стороны, я понимаю, откуда всё это произрастает. Потому что что раньше было красть? У всех были ковры одинаковые, телевизоры, холодильники «Бирюза», стиральные машины «Малютка» и так далее. У всех всё было одинаково.

А потом, когда началась эта разница в доходах, в вопросах честности путей, которыми эти богатства добыты. Тогда и началось.

Плюс, отсутствие критического мышления и всякие попытки его подавить. Если ты вполне каким-то причинам выделяешься из толпы, у тебя могут быть проблемы, причем проблемы на самом высоком уровне.

Отношение к религии, когда люди тайком в церковь ходили, или свои исконно русские традиции от бабки, от прабабки. Я не сказать, что человек воцерковленный, но отношусь к этому в том числе как к части своей родовой традиции, о которой я так просто не могу откеститься. Только то есть просто взять и выбросить кусок истории, потому что партия сказала.

И к вопросу о том, как преподавали историю моей маме. Моя мама до сих пор любит вспоминать, что некоторые уроки истории у нее проходили за конспектами 55-го Съезда ВЛКСМ. То есть она говорит: «Мы просто открывали сборник тезисов и выписывали, что там Владимир Ильич и его приспешники сказали». И она говорит: «Это у нас называлось "урок истории"». Естественно, ни одну научную работу мы бы с вами не защитили, если бы не сказали: «Как сказал Ленин в своем великом и могучем исследовании».

Интервьюер: Да. Это правда.

Респондент: У меня диплом по Льву Николаевичу Толстому, и я откапывала вот эти «Толстой – зеркало русской революции». Как там бедные несчастные филологи изгалялись, чтобы из такого Льва Николаевича, почвенника и православного христианина, сделать зеркало русской революции.

Интервьюер: Они это делали искренне или скорее, чтобы им дали заниматься Толстым?

Респондент: Думаю, скорее второй вариант. Я все-таки верю в интеллигенцию. Что были они так увлечены, что, наверное, если они нормальные погруженные исследователи, погруженные в свою тему, то они там хоть черта лысого, лишь бы им не мешали.

Интервьюер: У меня будет к вам второе практическое задание, но про Советский Союз. Разложу количество карточек, которые могут быть связаны с Советским Союзом. Прошу вытащить минимум три, которые откликаются.

Респондент: Репрессии, великая держава, плановая экономика, социальные гарантии.

(00:40:03)

Интервьюер: Теперь попрошу вас объяснить, и подробнее поговорить про каждую из карточек. Репрессии.

Респондент: Это то, что касается нашей земли. У нас очень разнообразная история Великой Отечественной войны. В семье у моей покойной бабушки было три сестры и один брат. Одна из старших сестер вышла замуж за человека, который принимал участие в войне с Германией, дослужился до очень высоких чинов, и даже потом в этой Германии какое-то время провел для того, чтобы, ведя какую-то восстановительную или еще какую-то деятельность (не особо вникала в эту деятельность). Был дедушка, который служил в Манчжурии. И еще был дед Коля – царство ему небесное, – который был репрессирован. За что он был репрессирован, до конца непонятно. Потому что сказали, что ему вменяли дезертирство, если опустить общий смысл. Он шел мимо села... Он был в Праге, он занимался разминированием Лореты. И когда я была беременна, была в Праге и принимала участие в «Бессмертном полку». Там тоже случилось со мной это озарение, когда я поняла: «Боже мой, а если бы не он, если бы не эти солдаты, не было бы этого ничего». Если бы не этот условный товарищ Беляков (00:41:52), то никакой этой красоты бы не было.

Он дошел до Праги...

У нас есть семейная шутка. У меня сестра после того тоже очень любит всё это дело. Я говорю: «Господи, когда же мы до Праги доедем?». Она говорит: «Не переживай. Дядя Коля пешком дошел. Как-нибудь справимся». Это реально.

Мы знаем, что дойти до Праги пешком – это реально, не в самых комфортных условиях, но отсюда из-под Новосибирска.

Он шел мимо своей деревни. Здесь война, условно говоря, закончилась, но после нее, как я поняла, был довольно продолжительный период, когда мы еще все оставались мобилизованными. А поскольку он был из Европы, у него с собой был трофейный пистолет «ТТ». Он зашел к себе, зашел в свою избу, переночевал с матерью, поговорил со своими родственниками и ушел. На следующее утро его арестовали. Сказали, что он дезертировал, вроде бы как пришел к своим. Но мой дедушка, который кое-что смыслит, и дед Андрей, который кое-что смыслили в военном суде, они говорят: «Извините, дезертирство – это к стенке. Никто бы даже разбираться не стал. Скорее всего, он просто что-то не то увидел или не то услышал. Знал, что его повяжут, и поэтому пришел с мамой попрощаться». Вот такая грустная история. Он умер в лагерях.

Вот что доели, когда закончили войну, и как сели – мы на Родине в плену. Вот про это.

А дальше была великая держава. Великой державы пафос – это то, что из унаследовали. Великая держава у меня лично больше ассоциируется уже с более поздним периодом, когда был железный занавес, то есть когда началась гонка вооружений, когда началось искусственное раздувание того, что мы великая держава, делаем ракеты, и в области балета мы впереди планеты всей. Что это всё связано с великодержавным пафосом, который культивировался именно СМИ. Я ничего не знаю о великодержавном пафосе у жителей страны, но это продукт работы СМИ.

Что касается цензуры, у меня филологическое образование, поэтому не знать о цензуре в советские годы я не могла. Я читала биографии всех несчастных великомучеников наподобие Пастернака, и еще того, который абсурдист... Вылетела фамилия. Очень люблю его. Помню его произведения. С ним тоже была мифологизированная история, что вроде бы как его расстреляли. А, Хармс (Ювачев). Была история, что в этой психушке, была легенда, что он там в подвалах умер. Но, на самом деле, просто жене сказали, что он там, а на самом деле непонятно, где он. Потом историки это установили. Всех, так или иначе, коснулось. Здесь через мое образование, через то, что нужно было писать линию партии, комсомола, что сам об этом думаешь.

Плановая экономика – тут всё понятно, пятилетка за три года. Все эти слоганы, которые переосмысливались в 1990-2000-е годы, становились предметом народного фольклора, когда говорилось, что всех догнать и перегнать. Спасибо то, благодаря чему мы, несмотря ни на что. Именно от того, что это всё было на самом деле, становится совсем страшно. Когда начинаешь думать, как можно рассчитать, сколько коров, сколько телят должна родить корова. Там же всё было просчитано, доходило до какого-то абсурда.

Социальные гарантии. На самом деле, это то, по чему я отдаленно тоскую сейчас, потому что наше государство метнулось из крайности в крайность. Если раньше были какие-то полные социальные гарантии, полное социальное обеспечение общества, то сейчас социальных гарантий никаких. Я склонна думать, что истина где-то посередине, и что есть такие моменты, от которых нельзя прямо взять и отказаться.

У меня нет полной уверенности, что когда мой ребенок пойдет в школу, я не буду за эту школу платить, как за институт. Что не найдется какого-нибудь умного в Государственной Думе, который скажет: «А зачем нам всем бесплатное образование? Особенно женщине. Жили же как-то барышни в лохматых XVIII-XIX веках, учились играть на фортепиано. И хватит с них. Одни на фортепиано играли, а другие как родились, так сразу к подольнику встали, огороды вскапывать, натуральное хозяйство вели.

Интервьюер: Спасибо большое. Теперь хотела бы спросить про распад СССР. Если скажу фразу «распад Советского Союза» какие у вас ассоциации?

Респондент: Сейчас в моем взрослом состоянии это «Лебединое озеро», затем Ельцин, затем перестройка, и день независимости. Скажу про независимость безоценочно, потому что сейчас много спекулируется на этой теме.

Интервьюер: А если попробовать оценить Распад Советского Союза. Хорошо, что это случилось? Плохо, что это случилось? Оценочно.

Респондент: Ярких эмоций у меня это не вызывает, потому что я знаю об этом только понаслышке. И слава богу, что это произошло, нет, и горевать по этому поводу не вижу смысла. С точки зрения истории к этому всё и шло.

Интервьюер: Представьте, вам нужно будет рассказать другому человеку, который ничего не знает об этом, например, вашему ребенку о распаде Советского Союза, как бы стали про это рассказывать?

Респондент: Я бы избрала последовательный подход. Сначала он образовался как более-менее осмысленная формация. Потом там стало всё больше и больше формализма. Когда этот формализм достиг того, что осталась только одна большая форма, она лопнула. Если проводить образную ассоциацию, то это, наверное, этот змей, который себя за хвост укусил.

Занимались образованием этой формации люди глубоко идейные. А их последователи наследовали не идею, а только форму. Они не вдумывались, что делают, а механически повторяли набор кейсов из поколения в поколение. Мы живем вот так, а почему живем вот так, никто не задумывается. А как только минимально кто-то начал задумываться, всех спросили: «А почему вот так? Разве нельзя носить всем разные платья, и при этом быть счастливыми?».

Интервьюер: Поняла. Согласна. Спасибо вам большое.